

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

АЛЕКСЕЙ ВЯЗОВСКИЙ

**Я-
РАСПУТИН**

МОСКВА

В истории человечества есть загадочные личности, о которых мы окончательно ничего не узнаем до Страшного суда Божия. Иной раз необходимо отказаться и от исследования этих личностей — эти исследования заранее обречены на бесконечные и бесплодные словопрения. Но тем более должны отказаться от того, чтобы восхитить себе суд Божий о человеке.

Архимандрит Тихон о Распутине

Глава 1

— Эй, Распутин, ты с нами?

Со ступеней крыльца главного здания СПбГУ мне призывно махали рукой однокурсники. Распутин! Я чуть не выругался, криво улыбнулся двум студенткам, что хихикнули на мою кличку. Вот же подсуропили предки, при нашей фамилии Новинский нарекли Григорием. В школе все дразнили Бульваром, а продвинутые студенты-историки мгновенно прилепили кличку Распутин.

— Идите без меня, — я спустился вниз, закинул на плечо сумку с конспектами и ноутбуком.

— Распутин, да ты что! — меня за рукав схватил староста группы — Федя Быстров. Здоровяк, культурист, главный мачо курса. — Погуляем на природе, пожарим шашлычка. Рядом там экодеревня — всякие ламы да альпаки, я договорюсь насчет баньки! Девки размякнут, подобреют... Сечешь фишку?

Мы невольно обернулись на однокурсниц. Среди них были две королевы — длинноногая пышногрудая Варя Соколова и голубоглазая блондинка Вика Андреева. К последней я давно

уже клинья подбивал, но в мою сторону она даже не смотрела.

— Все правильно понимаешь! — покивал Федя. — Она как раз с парнем рассталась, нальешь ей винца, посочувствуешь. В баньке есть отдельные комнаты с кроватями.

— А что это ты такой добренький сегодня? — я пристально посмотрел на старосту. Раньше он меня не замечал, дружил с такими же мажорами. Тачки, дрифт на ночных улицах, поездки в Европу. Золотая молодежь. Даже удивительно, что родаки не отправили Федю куда-нибудь в Лондон учиться. Хотя теперь, когда в Кремле декларировали «национализацию элиты», богачи предпочитали учить детишек дома. МГУ, СПбГУ, МГИМО, Вышка...

— Ты мне — я тебе, — развел руками староста. — Так мир устроен.

Ясно, ему что-то от меня надо.

— Курсовая? — спросил я.

— Бери выше, — ухмыльнулся Федя, — диплом.

На пятом курсе нам надо было написать и защитить магистерский диплом. Не такое уж трудное дело, но староста не хотел напрягаться.

— Тема?

— Личность Григория Распутина и его влияние на царскую семью.

Он было заржал, но увидел мою реакцию и тут же прекратил:

— Не, серьезно, Распутин и царская семья, можешь у профессора Колганова узнать.

Однокурсники уже поглядывали в нетерпении на нас, а еще наверх — там набегали тучки, и переменчивая питерская погода грозила порушить все планы с деревней и шашлыками.

— Ты же писал на третьем курсе курсовую по Гришке, — уточнил Федя. — Да и в архивах ты со всеми вась-вась.

— Тоже нашел дурака, — покачал я головой. — За одну прогулку в экодеревне идти к тебе в дипломное рабство?

— Так это же прогулка с Викулей. Банька, все дела, — Федя плотоядно оглядел девушку, которая стояла к нам спиной. Короткое платье подчеркивало все прелести фигуры. Которые, да... манили.

— Нет!

Я развернулся и пошел прочь. Поехать на природу с однокурсниками хотелось. Очень. Да и с Викой поближе пообщаться. Глядишь, и выгорит, несмотря на то что она постоянно крутила носом — то я недостаточно решителен, то не смог сделать дорогой подарок... Но ишачить на Федю... Благодарю покорно.

— Ну и дурак ты, Распутин, — обиженно произнес в спину староста. — Мы тебе в вотсап пришлем фотки, как нам хорошо. Жди...

Я только сильнее сжал зубы и прибавил шагу. Я не они. К мажорам не принадлежу, с золотой ложкой во рту не родился. Родители — обычные питерцы, отец — строитель, мать — травматолог в городской больнице. Жил я от стипендии до стипендии, подрабатывал в архивах. Родаки, ко-

нечно, что-то подкидывали, но явно не на загулы по экодеревням.

С двумя пересадками я доехал до Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, показал пропуск охраннику, поднялся на шестой этаж. Тут раньше был читальный зал, а теперь находился отдел первичной сортировки во главе с Антониной Николаевной Фельдман. Статная пожилая дама железной рукой руководила пятью сотрудниками и тремя стажерами. Одним из которых был я.

— Новинский, ты почему не в маске?

Фельдман выглянула из своего кабинета, угрозила мне пальцем. Я матернулся про себя, нацепил намордник. Достал из шкафчика белые перчатки и персональную чашку. Кофе и чай на работе пить разрешалось, но, разумеется, не за рабочими столами. ЦГА даже расщедрился на дешевую кофемашину.

На летучке Фельдман сообщила, что из томского архива поступила новая партия документов. Их нужно отсортировать и рубрицировать.

— Танцуй, Новинский! — начальница подвинула ко мне ветхую папку на тесемках. — Пришли опросные листы из архива Тобольской консистории.

Я потерял руки. Жену Распутина допрашивали несколько раз по делу о хлыстовстве старца. Листы считались утерянными, но, кажется, томские коллеги накопили что-то новое. Это могло стать исторической сенсацией. А могло и не стать — по делу Распутина было столько фейков и фальшивок...

Стоп. Я в сомнении посмотрел на Фельдман. Зачем она отдала папку стажеру? Начальница лишь понимающе усмехнулась. Значит, фальшивки.

Настроение упало, я вернулся в наш рабочий зал, включил настольную лампу, развязал папку. Приготовил фотоаппарат для фиксации всех листов, разложил документы — официальные с печатью Тобольской консистории, пояснительные записки царских чиновников. Но один, желтый, лист выделялся на общем фоне.

Его я и взял первым. Озаглавлен он был ни много ни мало «Завещание Григорія Распутина Нovýchъ из села Покровское». Начиналось, как и все другие «завещания», с послания царю. «Я пишу и оставляю это письмо в Петербурге. Я предчувствую, что еще до первого января уйду из жизни. Я хочу Русскому Народу, Папе, русской Маме, детям и русской земле наказать, что им предпринять. Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то тебе, Русский Царь, некого опасаться. Оставайся на твоём троне» — в этом месте от листа пошел какой-то странный жар, мое зрение помутилось, дыхание участилось, и я почувствовал нарастающий стук сердца.

Я попытался встать, но не смог. Листок продолжал нагреваться, издавая странное свечение.

— Гриша, что с тобой? — это были последние слова, которые я услышал.

Сердце встало. Вспыхнул свет, ударил по глазам. И полная темнота. И тут же снова свет.

Мое тело дергалось на полу, легкие с трудом втягивали воздух. Рядом суетились люди.

— У него припадок!

— Держите голову, господа!

— Ольга Владимировна, надо послать за доктором.

— Не надо, сейчас пройдет

Слова женщины оказались верными — спазмы перестали бить тело, я смог вдохнуть полной грудью. Несколько рук меня подняли, понесли куда-то.

— Осторожнее, Ивашка, ступеньки.

— Не первый раз, ваш-дит-ство, — пробасил кто-то, приподнимая меня. — Понимаем-с.

Переноска завершилась благополучно, меня опустили во что-то мягкое.

— Господа, оставьте нас. Страннику нужен покой.

Послышались шаги, хлопнула дверь. Мне ко лбу приложили мокрое полотенце, обтерли лицо. Я чуть не застонал от удовольствия — так это было приятно, и открыл глаза.

Я лежал в кровати в большой светлой комнате. Рядом сидела брюнетка с породистым лицом и сложной, высокой прической. Одета она было в глухое платье «под старину».

— Очнулись, Григорий Ефимович? — женщина нежно провела ладонью по моему лицу.

Почему Ефимович? Я же Петрович... Рука брюнетки дошла до бороды, спустилась на грудь. Бороды?!

Я чуть не закричал, резко сел в кровати. Голова закружилась, меня качнуло. Женщина забеспокоилась:

— Дорогой мой, не надо волноваться, будьте любезны, ложитесь обратно... — Под нажимом ее ладоней я вновь опустился в кровать, глубоко вздохнул. Тело слушалось плохо, я был словно космонавт в необмятом скафандре.

— Сейчас скажу повару, чтобы согрел вам куринный бульон, вам всегда помогает после припадков.

Брюнетка, шурша юбками, вышла из комнаты, а я с трудом спустил ноги на пол и оглядел комнату в поисках зеркала. Нашелся только таз с водой на табуретке, и в нем отразилось... обветренное морщинистое лицо с крупным бугристым носом, полными плотоядными губами, длинной черной бородой и глубоко сидящими глазами. Длинные волосы были разделены пробором надвое. Пробор, которого я никогда не делал... Да что со мной? Я поднял руку потрогать пробор и нащупал справа большую шишку. Почему-то открыл рот, посмотрел на ровные белые зубы. Ощупал себя руками.

Тело не мое. Руки не мои. Я не я.

А кто?

Женщина сказала «Григорий Ефимович».

И тут меня подбросило. Я что, в теле Распутина?!

Я рухнул на кровать, завывая от ужаса, и снова провалился в темноту.

В себя я пришел только ночью. Открыл глаза — комната на месте. Закрыв глаза.

Если я потерял сознание в архиве и до сих пор не пришел в себя? И все вокруг — галлюцинация? Тогда надо спать и надеяться на врачей. А если нет?

На стенке рядом с подушкой зашуршало, я снова открыл глаза и увидел таракана. Это было так реально и так неожиданно, что я шарахнулся.

— Очнулись, Григорий Ефимович?

Оказывается, я в комнате был не один, рядом проснулась сиделка. В полумраке ее не разглядеть, лампадка у икон дает слишком мало света... Лампадка! Я застонал и снова потерял сознание.

Вроде бы ненадолго — все еще ночь. Или это следующая? Глюк никуда не делся, стоило мне пошевелиться, как сиделка завозилась и открыла глаза; пришлось мне замереть и изобразить спящего.

Распутин! Юродивый сибирский крестьянин, целитель, друг царской семьи. Был застрелен в декабре 1916 года в доме князя Юсупова.

С большим трудом я не поддался истерике. Глюк, глюк, конечно же глюк... Но внутренний голос мерзенько подначивал: ага, конечно, головой ты не ударялся, в роду подобных болезней не было, не кололся, не нюхал...

Нюхал!!! А что если Федя подсыпал мне клофелину, или что там подсыпают? Ну да, мы поехали на шашлыки, вот там и... «А почему ты тогда не помнишь поездку? — осведомился внутренний голос. — Память отшибло?» Ну да, как там мама это называла — ретроградная амнезия.

А если не глюк, если я действительно Распутин? Тогда мне конец. Я же ничего тут не знаю, не умею... даже эти чертовы портянки сам вряд ли намотаю. Я хоть и служил год в армии, но у нас уже были берцы с носками. Господи, о чем я думаю...

Господи!!! Да меня только за незнание молитв сожрут с потрохами, Гришку в хлыстовстве обвиняли, духовная консистория — эдакие православные инквизиторы — расследовала. И он чудом проскочил мимо монастырской тюрьмы, а там как бы не хуже, чем на царской каторге. Я напрягся, вспомнил «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся». Проговорил про себя Символ Веры. Нет, кое-что я из православного НЗ вполне знал. Но сильно ли мне это поможет?

Сдаваться властям? Рассказать правду? Так туда же, в монастырскую тюрьму и упекут, как свихнувшегося на религиозной почве. Сиди себе на цепи да жри хлеб с водой. Ладно, хватит паниковать, делать-то что? Если это глюк, то ничего, ждать помощи извне. А если... нет?

А если нет, то надо быть Распутиным — наглым, самоуверенным, властным, иначе сожрут и косточек не оставят. Я как-то раз уже был им — несколько лет назад, к столетию Февральской революции, на истфаке сделали драматический проект «Гибель империи», и меня под общий хохот определили на роль Гришки... Вот оттуда и пошел мой интерес, тогда я впервые зарылся в документы, а худрук театрального круж-